

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

М. С. ГУТОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются метаязыковые (связанные с рефлексией над языком и речью) лексемы и фраземы как единое поле номинативных единиц. Выявляется состав частеречных классов, присутствующих в метаязыковом лексико-фразеологическом поле в русском и английском языках, исследуются организация классов (деление на семантико-грамматические подклассы) и их удельный вес в поле, определяется соотношение лексем и фразем в каждом классе. Показано, что в выражении частеречных значений между метаязыковой лексикой и фразеологией имеет место своего рода «разделение труда»: по большей части лексемами представлены категории предметности (52 % субстантивных лексем vs 36 % субстантивных фразем в русском материале, 57 % лексем vs 21 % фразем в английском) и признаковости предмета (12 % адъективных лексем vs 2 % адъективных фразем в русском и английском материале), преимущественно фраземами – категории процессуальности (51 % вербальных фразем vs 33 % вербальных лексем в русском материале, 74 % фразем vs 30 % лексем в английском) и признаковости процесса (11 % адвербальных фразем vs 3 % адвербальных лексем в русском материале, 3 % фразем vs 1 % лексем в английском). Сделан вывод о том, что в языке существует корреляция между типом категориального значения и предпочтительным способом его выражения: для обозначения предметов и признаков предметов шире используются однословные (в основном первичные, прямые, нейтральные) наименования, для обозначения процессов и признаков процесса – составные (главным образом вторичные, переносные, экспрессивно-оценочные) наименования.

Ключевые слова: лексико-фразеологическое поле; метаязыковые номинативные единицы; различия между лексикой и фразеологией в выражении категориальных (частеречных) значений.

GRAMMATICAL STRUCTURE OF THE METALANGUAGE LEXICAL- PHRASEOLOGICAL FIELD IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

M. S. GUTOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The paper views metalanguage (connected with a reflection over language and speech) lexemes and phrasemes as a unified field of nominative units. It identifies the part of speech classes available in the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages, explores organization of the classes (division into semantical-grammatical subclasses) and their proportion in the field, determines the ratio of lexemes and phrasemes in each class. It indicates that a sort of division of labor in the expression of the categorial meanings takes place between metalanguage lexemes and phrasemes: predominantly lexemes convey the categorial meanings of substance (52 % of substantive lexemes vs 36 % of substantive phrasemes in the Russian material, 57 % of lexemes vs 21 % of phrasemes in the English one) and property of a substance (12 % of adjectival lexemes vs 2 % of adjectival phrasemes in the Russian and English material), chiefly phrasemes – the categorial meanings of process (51 % of verbal phrasemes vs 33 % of verbal lexemes in the Russian material, 74 % of phrasemes vs 30 % of lexemes in the English one) and property of a process (11 % of adverbial phrasemes vs 3 % of adverbial lexemes in the Russian material, 3 % of phrasemes vs 1 % of lexemes in the English one).

Образец цитирования:

Гутовская М. С. Грамматическая структура лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 58–71.

For citation:

Gutovskaya M. S. Grammatical structure of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 58–71 (in Russ.).

Автор:

Марина Степановна Гутовская – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета.

Author:

Marina Gutovskaya, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology.
marina-gutovskaya@yandex.by

It concludes that in the language there is a correlation between the type of a categorical meaning and the preferred means of its expression: to nominate substances and properties of a substance one-word (mostly primary, direct, non-expressive) namings are wider used, to nominate processes and properties of a process – multi-word (mainly secondary, figurative, expressive) namings.

Key words: lexical-phraseological field; metalanguage nominative units; differences between lexemes and phrasemes in the expression of the categorical (part of speech) meanings.

1. Части речи и принципы их выделения в лексике и фразеологии. Понятие части речи является важным в науке о языке. Об этом свидетельствует тот факт, что вопрос о делении слов на наиболее общие классы – соответствующие частеречным в современной терминологии или близкие к ним – рассматривался в рамках разных, сложившихся самостоятельно и развивавшихся независимо друг от друга языковедческих традиций: античной и продолжившей ее европейской, индийской, китайской. Проблема частей речи относится к числу «вечных» в лингвистике: споры об их сущности и принципах выделения идут и сегодня. Традиционно под частями речи понимаются классы слов, характеризующиеся общностью семантических, морфологических и синтаксических свойств. Однако в разных концепциях иерархия признаков, лежащих в основе распределения слов на части речи, представляется по-разному. В зависимости от принятого приоритетного критерия концепции частей речи делятся на семантические, синтаксические и морфологические.

При семантическом подходе основой в выделении частей речи считаются категориальные значения – обобщенные частеречные значения, отвлеченные от лексических значений принадлежащих к данной части речи слов. Для существительного категориальным (частеречным) является значение предметности, для прилагательного – признаковости предмета, для глагола – значения действия или состояния, вместе обобщаемые как значение процессуальности, для наречия – признаковости процесса (действия/состояния) или другого признака, для числительного – количества и т. д. Приоритетность категориальной семантики в различении частей речи отмечается в концепциях А. А. Потебни, Л. В. Щербы, А. А. Шахматова, А. Е. Кибрика и др.

Семантический подход к классификации знаменательных частей речи критикуют за то, что между такими категориями, как «предметность», «процессуальность», «признаковость предмета» и т. д., и частями речи нет взаимно однозначного соответствия, и части речи оказываются семантически неоднородными [1, с. 91; 2, р. 27]. Действительно, диапазон семантики, например, существительных весьма широк: они могут обозначать предметы в широком смысле – конкретные предметы неживого и живого мира (*гора, стол, человек, птица*), растения (*дуб, ландыш*), географические объекты (*Волга, Эльбрус*), вещества (*вода, воздух*), а также действия (*спор, чтение*), состояния (*болезнь, сон*), качества (*белизна, доброта*), отношения между предметами (*родство, неравенство*). Однако нужно учесть, что слова, значения которых не вполне укладываются в рамки категориальной семантики своего частеречного класса, в большинстве своем являются производными, образованными от единиц другого класса (существительное *спор* образовано от глагола *спорить*, *белизна* – от прилагательного *белый*), и в них совмещаются два категориальных значения – исходной и результирующей единиц деривации (в отглагольном существительном *спор* «уживаются» процессуальность и предметность, в отадективном существительном *белизна* – признаковость и предметность). Большинство же непродных слов передают категориальную семантику своего класса [3, с. 65].

Значимость семантического принципа классификации поддерживается тем, что категории предметности, процессуальности, признаковости считаются универсальными и признаются основанием для типологической идентификации частей речи в разных языках [4].

При синтаксическом подходе частеречная квалификация осуществляется на основе сочетаемости слова с другими лексическими единицами и с учетом его синтаксической позиции. Между частями речи и их синтаксическими функциями полного совпадения не существует. Части речи способны выступать в качестве разных членов предложения: например, глагол может употребляться в функции сказуемого (*Иван читает*), подлежащего (*Куришь – здоровью вредить*), дополнения (*Командир приказал взводу наступать*), определения (*Желание учиться похвально*), обстоятельства (*Он приехал в Москву работать*). Однако в наборе характерных для той или иной части речи синтаксических функций есть одна (или более), которая считается определяющей или в терминологии Е. Куриловича «первичной» [5, с. 59; 6, р. 63]: функции подлежащего и дополнения – для существительного, определения – для прилагательного, сказуемого – для глагола, обстоятельства – для наречия.

Преимуществами синтаксического критерия выделения частей речи являются его применимость при разделении на классы служебных слов и универсальность – единое для всех языков определение части речи основывается на синтаксических признаках [4]. В то же время не всегда может быть ясен

вопрос о том, какая из функций является для данной части речи определяющей: например, не всеми признается первичность функции определения для прилагательного – есть множество прилагательных, способных занимать в предложении исключительно предикативную позицию, и преобладание атрибутивных конструкций над предикативными в современной лингвистике не доказано [7, р. 211–212].

Морфологический подход ориентирован в основном на особенности словоизменения. При таком подходе аргументом в пользу выделения той или иной части речи является наличие у нее особой системы форм словоизменения: например, в русском языке существительное склоняется по падежам и числам, глагол спрягается по лицам и числам, изменяется по временам, наклонениям, родам (в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения) и т. д. Строго морфологический принцип лежит в основе частеречных классификаций, предложенных Ф. Ф. Фортунатовым, Г. О. Винокуром. Морфологический принцип разграничения частей речи не является универсальным – он мало пригоден для языков со слаборазвитой системой морфологических средств. К тому же выделяемые в рамках данного подхода классы слов не всегда соответствуют интуитивным ощущениям единства частей речи: так, при последовательно морфологическом подходе краткие формы прилагательных и причастий формально объединяются с прошедшим временем глагола (отсутствие падежа, согласование по роду и числу), количественные числительные – с вещественными существительными типа *молоко* (отсутствие числа).

В современной лингвистике распространено понимание частей речи как психолингвистических классов. Считается, что у носителей языка имеются семантические прототипы частей речи – обобщенные представления об обозначаемых ими сущностях: так, например, существительное обозначает субстанцию, воплощающую определенный набор свойств и существующую длительное время, глагол – динамическую ситуацию, возникающую между ее участниками на ограниченное время [8, с. 103]. Высказывается предположение о том, что в языковом сознании человека существует естественная система частей речи. Все множество хранящихся в памяти слов ощущается носителями языка как неоднородное и интуитивно членится на подмножества для облегчения поиска слов в памяти, и одно из членений основывается на принадлежности слов к той или иной части речи [9, с. 34; 10, с. 78].

Вопрос об отнесенности фразеологизма к части речи и о применимости принципов выделения частей речи для классификации фразеологических единиц в современной лингвистике остается открытым. В пользу соотносимости фразеологизмов с частями речи говорит тот факт, что они обладают семантическими, морфологическими и синтаксическими свойствами определенных частей речи.

Фразеологизмы выражают категориальное значение, присущее той или иной части речи. Частеречное значение большинства фразем определяется соответствующим значением грамматически стержневого компонента – грамматически главенствующего слова в структуре фраземы. Например, фразема *мертвый язык* ‘древний язык, на котором уже не говорят, известный только по письменным памятникам’ (ФСРЯ, с. 147) с грамматически стержневым компонентом существительным является субстантивной; фразема *найти общий язык* ‘договориться, достичь взаимного понимания’ (ФСРЯ, с. 178) со стержневым глаголом – вербальной; фразема *острый на язык* ‘об остроумном, язвительном человеке’ (ФСРЯ, с. 183) с главным прилагательным – адъективной. Правда, есть и фраземы, грамматическая семантика которых не совпадает с соответствующей семантикой синтаксически независимого компонента. Так, фразема *целый короб новостей / вестей* ‘очень много, множество’ (ФСРЯ, с. 118) в качестве грамматически стержневого компонента имеет существительное, однако эквивалентна наречию.

Многие фразеологизмы обладают типичной для той или иной части речи формоизменяющей парадигмой. Например, адъективные фраземы способны склоняться (*Острая на язык Ирина не удержалась, чтобы не вставить свое* (НацКорп: В. Голяховский. Русский доктор в Америке)), иметь полные и краткие формы (*Вы остры на язык и далеко не глупы* (НацКорп: Е. Ахматова, перевод из Э. Булвер-Литтона. Кенелм Чиллингви, его приключения и взгляды на жизнь)) и образовывать степени сравнения (*Пожалуй, Порецкий лишь острее на язык...* (НацКорп: В. Шаров. Воскрешение Лазаря)). Однако есть фраземы, имеющие неполную парадигму (глагольная фразема *на калачи досталось/достанется* ‘о брани, побоях’ (ФСРЯ, с. 104) употребляется только в форме среднего рода прошедшего и будущего времени: *...всем косточки перемыли, всем на калачи досталось...* (НацКорп: П. И. Мельников-Печерский. На горах)), и фраземы, формоизменением не обладающие (глагольная фразема *дернуло за язык* ‘зря, неуместно сказал что-л.’ (ФСРЯ, с. 66) употребляется только в форме среднего рода прошедшего времени: *Я же вгорячах. Дернуло за язык. Забудь!* (НацКорп: В. Тендряков. Находка)).

Фразеологизмы выполняют характерные для той или иной части речи синтаксические функции. Например, адъективная фразема *острый на язык* может выступать в роли определения и именного сказуемого (примеры см. выше).

Возможности систематизации фразеологических единиц в соответствии с признаками частей речи обсуждаются в работах, посвященных проблеме соотношения фразеологизма и слова [11; 12].

Во фразеологии, как и в лексике, в качестве приоритетных для частеречной квалификации фразем выделяются разные признаки: семантический [13, с. 62], морфологический [14, с. 317–320], синтаксический [15, с. 179].

2. Цели грамматического сопоставления лексики и фразеологии в структуре поля. Материал, методика исследования. В предлагаемой работе исследуется грамматическая организация лексико-фразеологического поля на примере русских и английских метаязыковых обозначений. Метаязыковые лексемы и фраземы называют феномены, связанные с языком и речью, и включают множество разнообразных общеупотребительных и терминологичных обозначений: 1) наименования языка и его форм (*литературный язык, стиль, жаргон*), компонентов структуры (*словарь, грамматика*), единиц разных уровней (*слово, предложение*); 2) названия видов речевой деятельности и продуктов речи (*беседовать, болтать языком, агитировать, петь дифирамбы, просьба, статья, доклад*); 3) именования участников речевого общения (*рассказчик, слушатель, хвастун*); 4) средства текущей характеристики речи, включаемые говорящим в порождаемое высказывание (*словом, грубо говоря, извините за выражение*), и др.

Грамматический потенциал номинативного поля является его важной функциональной характеристикой. Способность единиц поля передавать различные категориальные значения – предметность, процессуальность, признаковость и т. д. – способствует легкости говорения, построения высказываний о соответствующем феномене мира. Лексемы и фраземы с метаязыковой семантикой образуют единое поле воспроизводимых номинативных единиц, однако в представлении грамматической семантики поля лексика и фразеология могут проявлять своеобразие. В работе предпринимается попытка выяснить, имеет ли место в номинативном поле распределение функций между лексикой и фразеологией в выражении категориальных значений, и если такое распределение наблюдается, то каковы его закономерности. Рассматриваются состав присутствующих в поле частеречных классов и их содержание – семантико-грамматические подклассы, выделяющиеся внутри каждого класса и конкретизирующие общекатегориальную семантику, определяется лексико-фразеологическая наполненность частеречных классов, устанавливаются удельный вес в каждом классе лексем и фразем и их номинативная ориентация.

Материалом исследования послужил корпус употребительных русских и английских метаязыковых лексем и фразем, собранный из современных словарей. Лексические единицы извлечены из электронных частотных словарей двух языков – *Online НЧСРЛ*¹ и *Online WFWSE*. Английский лексический подкорпус сформирован единицами с частотой 10 и выше на миллион употреблений (словник словаря *Online WFWSE* ограничен лексемами с такой частотой), русский – единицами с частотой 5 и выше на миллион употреблений (в *Online НЧСРЛ* входят лексемы с общей частотой от 2,6 на миллион употреблений). Значения русских лексем взяты из БТС, английских – из электронного словаря *Online FD*.

Основным источником фразеологических единиц послужили фразеологические словари двух языков: ФСРЯ (свыше 10 тыс. фразем; создан на основе фразеологической части «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой в 4 томах (ФСРЯ, с. 4)) и LID (свыше 6 тыс. фразем). Привлекались также другие печатные и электронные толковые (лексико-фразеологические) и фразеологические словари русского и английского языков.

Лексический и фразеологический материал извлечен из четырех основных источников – *Online НЧСРЛ*, *Online WFWSE*, ФСРЯ, LID – путем сплошной выборки на основании наличия в толковании значений лексем и фразем метаязыковых слов. В материал исследования включены только те номинативные единицы, для которых требуется не более трех семантизирующих шагов для обнаружения слов метаязыкового характера. Например, лексема *подхалимничать* ‘разг. Поступать как подхалим’² не содержит в своем толковании метаязыковых слов, их синонимов, дериватов, слов того же парадигматического ряда. Метаязыковой семантический компонент ‘хвалить’ присутствует здесь опосредованно в значении слова *подхалим*. Для обнаружения семы ‘хвалить’ в значении слова *подхалим* требуются три семантизирующих шага: *подхалим* ‘тот, кто угождает, лебезит, заискивает перед кем-л., стараясь расположить к себе, добиться чего-л.’, *заискивать* – ‘перед кем. Угодать, льстить, добиваясь чьего-л. расположения, покровительства’, *льстить* – ‘1. кому. Лицемерно хвалить кого-л. в корыстных целях’. Немногочисленные в исследуемом материале номинативные единицы типа *подхалимничать* находятся на периферии изучаемого лексико-фразеологического поля – они обозначают не только явления, относящиеся к языку и речи, но и другие феномены.

¹Перечень фигурирующих в работе словарей с их условными сокращениями приводится перед библиографическими ссылками.

²Если не указано иное, значения русских лексем приведены по БТС, английских – по *Online FD*.

Общий объем корпуса исследования составил 4600 употребительных номинативных единиц. Данные о количестве единиц, образующих лексический и фразеологический подкорпусы русского и английского языков, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Количество употребительных лексем и фразем
в русском и английском поле метаязыковых обозначений

Table 1

The number of frequently-used lexemes and phrasemes
in the Russian and English metalanguage lexical-phraseological field

Языковые единицы	Русский материал	Английский материал	Всего
Лексемы	1478	1243	2721
Фраземы	1029	850	1879
Всего	2507	2093	4600

Полученный корпус метаязыковых обозначений представляет собой достаточно крупный пласт в составе употребительных номинативных единиц двух языков: доля выделенных русских и английских лексем и фразем составляет свыше 10 % от общего объема словаря каждого из четырех основных словарей-источников (*Online НЧСРЛ*, *Online WFWSE*, *ФСРЯ*, *LID*). Установление закономерностей грамматической организации в двух языках такого обширного лексико-фразеологического поля, раскрытие логики распределения его лексем и фразем по частеречным классам помогут лучше понять грамматические принципы системного устройства номинативного уровня языка в целом.

В русском и английском подкорпусах схоже соотношение номинативных единиц двух классов – примерно по 60 % лексем и 40 % фразем, но их количество неодинаково. Однако для данного исследования существенны не столько межъязыковые различия в абсолютных показателях количества лексем и фразем, сколько их внутриязыковое процентное соотношение в частеречных классах, поскольку целью этой работы является не сопоставление коррелятивных номинативных полей в двух языках, а выявление частеречной структуры поля в каждом из них, обнаружение закономерностей презентации грамматических значений в лексике и фразеологии каждого языка в отдельности.

Классификация метаязыковых обозначений по частеречному принципу осуществляется в работе на основе комплексного подхода с учетом их семантических, морфологических и синтаксических свойств (морфологические и синтаксические свойства анализируются на основе контекстов национальных корпусов русского и английского языков). Необходимость учета разных критериев обусловлена тем, что к разным номинативным единицам они применимы в разной мере. Например, частеречная принадлежность фраземы *длинный язык* ‘о болтливом, говорящем лишнее человеке’ (ФСРЯ, с. 67) выясняется уже при рассмотрении ее семантических свойств: категориальное значение субстантивности задается значением синтаксически независимого компонента – существительного. В пользу субстантивности фраземы свидетельствуют также ее морфологические признаки: способность изменяться по числам и падежам (*Длинные языки болтали, будто кто-то опять грозитя пустить им красного петуха* (НацКорп: Г. М. Марков. Строговы); *Только длинного языка не прощают, запомните на всякий случай* (НацКорп: Б. Васильев. Были и небыли)) – и синтаксические функции: исполнение роли подлежащего или дополнения в предложении (примеры см. выше). Частеречный статус фраземы *на чей счет* ‘по отношению к кому-л., по чьему-л. адресу’ (ФСРЯ, с. 284) столь очевидным не является. Для ее квалификации с точки зрения ее эквивалентности той или иной части речи недостаточно семантического и даже морфологического анализа: фразема лишена категориального центра (грамматически опорного компонента) и имеет нулевую фразеопарадигму. Эффективным в этом случае оказывается функциональный анализ: употребление фраземы в функции обстоятельства свидетельствует о ее адвербиальной природе (*Особенно зла она на меня, потому что я метко ее осмеиваю, острою на ее счет...* (НацКорп: Г. С. Эфрон. Дневники)).

3. Частеречный состав русской и английской метаязыковой лексики. В современном русском и английском языках знаменательные слова (лексически самостоятельные, способные называть предметы и признаки или указывать на них и выступать в качестве членов предложения) традиционно разделяются на шесть частеречных классов: глагол, существительное, местоимение, прилагательное, числительное, наречие [16, с. 457; 17]. В русском и английском метаязыковых номинативных полях имеются классы вербативных, субстантивных, адъективных и адвербативных лексем и фразем.

3.1. Глаголы. Класс глаголов представлен в лексике двух языков гораздо уже, чем во фразеологии. Семантико-грамматические разряды, выделяемые внутри класса глагольных метаязыковых лексем, в русском и английском языках совпадают не полностью. Русские глаголы различаются по трем основным частично пересекающимся признакам: по способности принимать дополнение (переходные и непереходные), иметь подлежащее (личные и безличные) и передавать значения, связанные со способом глагольного действия (ограничительные, однократные, распределительные и т. д.). Для английских метаязыковых глаголов противопоставление личные – безличные является нерелевантным: безличные глаголы в их составе отсутствуют. Среди английских лексем нет также глагольных наименований с внутрисловно выраженным значением способа действия.

Переходные глаголы обозначают действие, направленное на объект, и имеют прямое дополнение (*расколоть* ‘3. разг.-сниж. Заставить говорить правду (обычно о преступниках)’ – кого?; *name* ‘2. Цитировать, упоминать, называть по имени’¹ – кого?). В силу своей семантики многие метаязыковые переходные глаголы многовалентны, т. е. учитывают отношения между несколькими предметами, вовлеченными в называемое глаголом действие: например, среди трехвалентных есть глаголы с субъектом, объектом и адресатом (*объяснить* ‘1. Растолковав, сделать более ясным, понятным’; *transmit* ‘4. Передавать (новости, информацию), сообщать’ – кто? что? кому?), глаголы с субъектом, объектом и орудием (*иллюстрировать* ‘2. Пояснить наглядным примером’; *justify* ‘1. Демонстрировать правильность, подтверждать доказательствами’ – кто? что? чем?) и т. п.

Непереходные глаголы не сочетаются с прямым дополнением. У одновалентных глаголов этого подкласса единственный актант принимает форму подлежащего (*замолчать* ‘перестать говорить, петь, кричать // прекратить переписку’ – кто?; *mean* ‘значить, означать, обозначать’ – что?), у многовалентных – форму подлежащего и косвенного дополнения (*отступить* ‘7. Перенести внимание с основного на второстепенное; сделать отступление’ – кто? от чего?; *pause* ‘1. Перестать говорить или делать что-либо на короткое время перед тем, как начать снова’ – кто? перед чем?).

Личные глаголы (способные употребляться с подлежащим) составляют большинство русских метаязыковых глагольных обозначений (*добавить* ‘2. Сказать или написать в дополнение’) и исчерпывают состав английских – в подкорпусе английских лексем все глагольные наименования являются личными (*question* ‘1. а. Задать вопрос, вопросы’). Немногочисленные русские безличные глаголы с метаязыковой семантикой – одно- и многовалентные глаголы, актанты которых не имеют статуса подлежащего (*говориться* ‘2. безл. О наличии желания, настроения говорить’), – образованы от личных глаголов с помощью постфикса -ся, обозначают непроизвольные состояния человека и используются в роли сказуемых в безличных предложениях (*Скворцов взял газету, но ему не читалось* (НацКорп: И. Грекова. На испытаниях)).

Для выражения разнообразных значений способа глагольного действия в русском языке есть особый морфемный инвентарь – приставки и суффиксы, которые присоединяются к разным глаголам и модифицируют их значение. Русские метаязыковые глаголы с общим значением способа действия делятся на ряд групп: а) начинательные (*затянуть* ‘7. что чем; разг. Начать протяжно петь, выть или нудно говорить’); б) ограничительные (*поболтать* ‘разг. Провести некоторое время в болтовне; посудачить’); в) финитивные (*договорить* ‘Окончить говорить; довести до конца свою речь, ответ и т. п., высказать что-л. до конца’); г) однократные (*поздороваться* ‘Поприветствовать при встрече поклоном, пожатием руки, словами и т. п.’); д) многократные (*говаривать* ‘разг. Многократно говорить’); е) распределительные (*переспросить* ‘2. кого; разг. Спросить, опросить всех, многих или обо всем, многим’); ж) со значением неполноты действия (*посмеиваться* ‘2. над кем-чем. Слегка подшучивать, насмехаться втихомолку’); з) со значением интенсивности проявления действия (*наговорить* ‘1. что и чего. Сказать много чего-л.; говоря, сообщить много чего-л.’).

В английском языке многие значения способа глагольного действия не имеют регулярных аффиксальных форм выражения и передаются преимущественно с помощью лексических средств. Например, русским глаголам с приставками количественно-временных значений, обозначающими фазы действия, а также интенсивность действия, в английском языке соответствуют словосочетания, включающие два глагола (*зашептать* – *begin to whisper*, досл. ‘Начать шептать’ (Online MT)), и словосочетания с квантификаторами (*прослушать* ‘1. Выслушать от начала до конца’ – *listen to from beginning to end*, досл. ‘слушать от начала до конца’ (Online MT)). Связано это с морфологическими особенностями двух языков: в русском – языке синтетического типа – грамматические значения выражаются в основном внутрисловно, в английском – языке аналитического строя – за пределами слова.

¹ Толкования значений английских номинативных единиц, взятых из англоязычных словарей-источников, здесь и далее приводятся в переводе автора.

3.2. Существительные. Класс существительных значительно шире представлен в лексике русского и английского языков, чем во фразеологии. Русские и английские метаязыковые существительные разделяются на несколько совпадающих в двух языках семантико-грамматических разрядов: а) собственные имена (*альфа* ‘название первой буквы греческого алфавита’; *Bible* ‘1. а. Священная книга христианства, сборник древних писаний, включающий книги Ветхого Завета и Нового Завета’); б) конкретные существительные – названия неодушевленных предметов (*буква* ‘1. разг. Графический знак в составе алфавита, обычно соответствующий определенному звуку’; *balloon* ‘4. Контур округлой или неправильной формы, содержащий слова персонажа комикса, мультфильма’) и одушевленных существ (*собеседник* ‘Тот, кто беседует с кем-л., участник беседы, разговора’; *respondent* ‘1. Человек, который отвечает на запрос, дает ответ’); в) собирательные существительные (*бред* ‘3. *собир.*, *разг.* Бредовые мысли, речи и т. п.’; *audience* ‘2. Круг читателей, слушателей, зрителей’); г) отвлеченные существительные (*правота* ‘правильность, верность действий, суждений и т. п.’; *coverage* ‘2. Количество и качество освещения темы, события в печати, по радио’).

3.3. Прилагательные. Адъективные обозначения относящихся к языку и речи свойств и признаков шире представлены в лексических подкорпусах английского и русского языков, чем во фразеологических. По характеру называемого признака русские и английские метаязыковые прилагательные делятся на два семантико-грамматических разряда – качественные и относительные. Качественные прилагательные обозначают признак предмета вне отношения к другим предметам и событиям (*неразборчивый* ‘непонятный, неясный (о речи)’; *vague* ‘1. Неясный по значению или выражению; неопределенный, двусмысленный’). Отличительной чертой прилагательных этого подкласса является то, что они образуют внутри метаязыкового поля обоих языков антонимические пары (*письменный* ‘1. Выраженный, осуществляемый средствами письма; написанный’ – *устный* ‘произносимый, письменно не закрепленный’; *negative* ‘выражающий, содержащий отрицание, отказ, опровержение’ – *positive* ‘1. Демонстрирующий одобрение, согласие, подтверждение’) и синонимические ряды (*логичный* ‘2. Рассуждающий последовательно’ – *последовательный* ‘2. Логически закономерный, правильно обоснованный, не содержащий противоречий’ (*Online TCC*) – *ясный* ‘5. Логичный, убедительный, четкий’ – *стройный* ‘3. Отличающийся логичностью построения’ (*Online TCC*); *confidential* ‘1. Сообщаемый по секрету’ – *private* ‘7. а. Не подлежащий обнародованию; секретный’ – *secret* ‘1. а. Утаиваемый, скрываемый’).

Относительные прилагательные называют признак через отношение к другому предмету или явлению. Все русские и английские относительные прилагательные с метаязыковой семантикой производны и характеризуются тесной смысловой связью с исходными словами. Среди них преобладают прилагательные, обозначающие отношение к отвлеченному понятию (*семантический* ‘соотносящийся по значению с сущ. *семантика*, связанный с ним’ (*Online TCC*); *linguistic* ‘имеющий отношение к лингвистике’). В русском корпусе также есть прилагательные, выражающие отношение к лицу (*авторский* ‘1. Соотносящийся по значению с сущ. *автор*, связанный с ним’ (*Online TCC*)), предмету (*евангельский* ‘1. Относящийся к Евангелию, связанный с ним’ (*Online TCC*)), действию (*записной* ‘предназначенный, служащий для записи’). Меньшее семантическое разнообразие английских метаязыковых относительных прилагательных (в сравнении с русскими), вероятно, обусловлено тем, что значение относительности в английском языке может быть выражено не только прилагательными, но и существительными [8, с. 110].

3.4. Наречия. Удельный вес адverbиальных наименований в лексических подкорпусах двух языков ниже, чем во фразеологических. Русские и английские метаязыковые наречные лексемы – это суффиксальные производные, образованные в основном от прилагательных. По общей семантике они делятся на определительные (преимущественно наречия образа действия: *подробно* ‘соотносится по значению с прил. *подробный*’ (*Online TCC*); *indirectly* ‘намеком, непрямо’) и обстоятельственные (главным образом наречия цели: рус. *насмешливо* ‘с насмешкой’ (*Online TCC*); *positively* ‘1. Утвердительно’).

4. Частеречный состав русской и английской метаязыковой фразеологии.

4.1. Глагольные фраземы. Структурно-семантическое разнообразие глагольно-безличных фразем¹ в русском языке. Русские и английские глагольные фраземы распределяются по семантико-грамматическим разрядам примерно по тем же принципам, что и лексемы. В составе русских и английских глагольных фразем имеются переходные (*ставить в укор (кому что)* ‘упрекать кого-л. чем-л.’ (ФСРЯ, с. 302); *cut sb down to size* ‘критиковать кого-л., чтобы дать понять, что он не так успешен, важен, как ему кажется; одернуть, поставить кого-л. на место’ (LID, р. 311)) и непереходные фраземы (*владеть пером* ‘обладать способностью писать выразительно и убедительно или облекать в формы литературных произведений свои мысли, идеи’ (ФСРЯ, с. 31); *be (way) off base about sth* ‘разг. Быть абсолютно неправым

¹Глагольно-безличными фраземами называются фраземы, не указывающие определенного деятеля и употребляющиеся в безличных конструкциях.

относительно того, о чем высказываешь мнение' (LID, р. 18)), фраземы, в значении которых содержатся семы способа действия – многократности (*обить (все) пороги* 'многократно побывать где-л., добиваясь чего-л., прося о чем-л.' (ФСРЯ, с. 175–176)), начинательности (*shift / change one's ground* 'начать давать другие объяснения тому, что делаешь, или менять позицию, точку зрения' (LID, р. 145)), интенсивности (*криком кричать* 'кричать очень сильно и продолжительно' (ФСРЯ, с. 123)) и т. п. Отметим, что формы выражения значений способа глагольного действия во фразеологии и лексике не совпадают: у фразем русского и английского языков они закреплены в семантической структуре, а в лексике в русском языке передаются аффиксальными средствами (внутрисловно), в английском языке – лексически (за пределами слова). Среди русских и английских вербативных фразем есть также личные фраземы (*пропустить мимо ушей* 'не обратить внимания на то, что говорят о ком-, чем-л.' (ФСРЯ, с. 150); *appeal to sb's better nature* 'стараться убедить кого-л. сделать что-л., говоря, что так поступать хорошо; взывать к лучшей стороне чьей-л. души' (LID, р. 241)), а в кругу русских и фраземы безличного употребления (*в одно ухо входит [вошло], в другое выходит [вышло] у кого* 'не обращать внимания на что-л., сказанное кем-л.' (ФСРЯ, с. 305)).

В русском материале категория безличности шире представлена во фразеологии, чем в лексике. К глагольно-безличным относятся фраземы, не указывающие определенного деятеля/носителя состояния и употребляющиеся в односоставных глагольных предложениях. Метаязыковые глагольно-безличные фраземы довольно разнообразны по своим структурно-семантическим свойствам. Центр таких фразем образуют в основном глаголы в формах среднего рода прошедшего и будущего времени (*на калачи досталось [достанется] кому* 'о брани, побоях' (ФСРЯ, с. 104)) и 3-го лица единственного числа (*ухо [уши] режет/дерет* 'звучит резко, грубо, неприятно для слуха' (ФСРЯ, с. 305)), краткие страдательные причастия среднего рода (*язык хорошо подвешен/привешен у кого* 'о красноречивом, складно говорящем человеке' (ФСРЯ, с. 334)) и безлично-предикативное слово *нет* (чего, кого) 'отсутствует, не существует' (*нет слов* 'невозможно выразить словами, как...' (ФСРЯ, с. 263)).

Глагольно-безличные фраземы характеризуются общим значением состояния и представляют действие в отрыве от деятеля, как стихийный процесс, состояние, а признак – в отрыве от его носителя, как общую оценку предмета. В границах этой группы выделяются три подгруппы с более частным значением: 1) фраземы, обозначающие действие, мыслимое независимо от производителя действия (*дернуло за язык кого* 'зря, неуместно сказал что-л.' (ФСРЯ, с. 66)), 2) фраземы, выражающие состояние человека (*язык прилип к гортани у кого* 'о потере способности говорить' (ФСРЯ, с. 334)), 3) фраземы, называющие состояние, обусловленное отсутствием чего-либо (*слов не хватает для чего* 'о затрудненности в подборе подходящих слов для выражения какого-л. сильного чувства' (ФСРЯ, с. 264)); сближаются с безличными как не указывающие на определенное лицо (деятеля) еще две разновидности фразем: 4) фраземы фиксированного типа с глаголом в форме инфинитива, выражающие модальные значения невозможности, неизбежности, необходимости и т. п. (*крыть нечем* 'прост. Нечего сказать в ответ, нечего возразить' (ФСРЯ, с. 126)), 5) неизменяемые фраземы с обобщенно-личным употреблением глагола (в форме 2-го лица), действие которых относится к обобщенному лицу (*живого слова не услышишь* '1. Об отсутствии собеседников. 2. Об отсутствии людей со свежей, деятельной мыслью' (ФСРЯ, с. 79)).

Категория безличности в английской метаязыковой фразеологии и в целом в английском лексико-фразеологическом поле метаязыковых обозначений реализована не так широко, как в русском. Связанные с языком и речью действия и состояния реже представляются в английском языке как возникающие и существующие независимо от их производителя и носителя. Так, состояния, вызванные отсутствием чего-либо, в русском языке получают безличное обозначение (*нет слов, слов не хватает*), в английском могут оформляться двумя способами: с помощью безличного оборота со значением 'иметься' *there is/are* (*there are no words for that*, досл. 'не имеется слов для этого' (Online MT)) или личными конструкциями (например, конструкцией со значением обладания – *I have no words to express...* – досл. 'я не имею слов, чтобы выразить...' (Online MT)). Психические состояния человека в русском языке часто передаются безличными предложениями с так называемым дательным субъектом – косвенным дополнением со значением лица, которое испытывает данное состояние (...*Как хорошо мне пишется, уже целый лист накатал* (НацКорп: Э. Герштейн. Лишняя любовь)), в английском – только личными конструкциями с субъектом лицом (*I feel like writing*, досл. 'я испытываю желание писать' (Online MT)). Различные вербальные действия в русском языке могут описываться как осуществляющиеся само собой и выражаться безличным способом (например, невольное произнесение каких-либо слов: *сорвалось с языка*), в английском они представляются исключительно в конструкциях с субъектом лицом (в них обычно назван и объект: *he let the words slip*, досл. 'он позволил словам выскользнуть'; *he said the words he didn't want to say*, досл. 'он сказал слова, которые он не хотел говорить' (БРАФС, с. 831)) или с субъектом

не-лицом (*the words slipped out of his mouth* (досл. 'слова выскользнули из его рта'); *the words escaped his lips*, досл. 'слова ускользнули с его языка' (БРАФС, с. 831)).

4.2. Субстантивные фраземы. В кругу русских и английских метаязыковых субстантивных фразем выделяются те же подклассы, что у субстантивных лексем: а) названия индивидуальных предметов (*твердый знак* 'название буквы ь' (ФСРЯ, с. 288)); б) наименования групп однородных предметов – одушевленных (*живая/ходячая газета (кто)* 'шутл., ирон. О человеке, который знает и распространяет все новости' (ФСРЯ, с. 45); *aunt Sally* 'о том, кого часто критикуют даже без особого повода; объект критики' (LID, р. 10)) и неодушевленных (*звонкая фраза* 'напыщенная, громкая, но малосодержательная или пустая фраза' (ФСРЯ, с. 90); *conversation piece* 'о чем-л. необычном, что становится предметом для разговора' (LID, р. 68)); в) обозначения множеств предметов, совокупностей предметов как целого (*разбойники пера (кто)* 'о продажных, беспринципных буржуазных журналистах, писателях' (ФСРЯ, с. 234); *kitchen cabinet* 'неофициальные советники выборного должностного лица' (Online PhCES)); г) имена отвлеченных понятий (*квасной патриотизм* 'огульное восхваление всего своего, даже отсталых форм жизни и быта и порицание всего чужого' (ФСРЯ, с. 108); *gift of the gab* 'умение говорить занимательно или убедительно' (LID, р. 136)).

4.3. Адъективные фраземы. Все русские и английские адъективные фраземы с метаязыковой семантикой обозначают качественный признак: *неудобь сказуемый* 'устар., теперь шутл. Неудобный для произнесения; неприличный' (ФСРЯ, с. 169), *слабый на язык кто* 'прост. Болтливый' (ФСРЯ, с. 262); *hard to swallow* 'представляющийся неправдоподобным' (LID, р. 156), *lost for words* 'неспособный сказать что-л. из-за удивления, потрясения и т. д.' (LID, р. 392). Фраземы, выражающие относительный признак, в исследуемом корпусе отсутствуют. Вероятно, для передачи данного значения – отношения к лицу, предмету, действию, отвлеченному понятию и т. д. – больше подходят лексемы производного типа, которые сохраняют тесную связь с исходными словами – наименованиями соответствующих лиц, предметов, действий и т. д.

4.4. Адвербативные фраземы. Русские и английские метаязыковые наречные фраземы, как и наречные лексемы, делятся на два семантико-грамматических разряда – определительные и обстоятельственные. Однако фразеология обоих языков оказывается несколько богаче по палитре частных признаков, выделяющихся внутри общего значения определительности и обстоятельственности. В кругу определительных наречных фразем имеются не только наречия образа действия (*из пятого в десятое* (говорить, рассказывать и т. п.) 'беспорядочно, без связи, перепрыгивая с одного на другое' (ФСРЯ, с. 232); *eyeball to eyeball* 'гневно, глядя друг другу глаза в глаза (спорить)' (LID, р. 109)), но и интенсивности признака (*с пеной у рта* (спорить, доказывать) 'горячо, азартно, крайне возбужденно' (ФСРЯ, с. 192); *at the top of one's voice/lungs* 'очень громко, так громко, как только можно (сказать)' (Online IFD)). Среди обстоятельственных есть как наречия цели (*в шутку* 'шутя, несерьезно' (ФСРЯ, с. 330); *on the record* '1. В качестве официальной версии, для печати (сказать)' (LID, р. 283)), так и причины (*в сердцах* (сказать) 'в порыве раздражения, сильно рассердившись' (ФСРЯ, с. 256); *in the heat of the moment* 'не останавливаясь, чтобы подумать из-за волнения или злости, сгоряча (сказать, сделать)' (LID, р. 165–166)).

5. Номинативные единицы, оставшиеся за пределами частеречной классификации. В классификацию по частям речи не вошли слова и обороты, выступающие в синтаксической функции вводного слова (*во-первых* 'употребляется при перечислении для обозначения первого пункта, раздела и т. п.', *другими словами* 'иначе говоря, выражаясь по-иному' (БТС, с. 1211), *мягко выражаясь* 'употребляется как указание на то, что говорящий намеренно избегает резких слов о ком-, чем-л.' (ФСРЯ, с. 157); *secondly* 'употребляется при перечислении для обозначения второго пункта, факта' (Online LDCE), *excuse my French* 'разг. употребляется как извинение при использовании ругательства' (LID, р. 129)). Номинативные единицы, оставшиеся за пределами частеречной классификации, составляют менее 2 % от общего объема русского подкорпуса и 1 % от общего объема английского подкорпуса.

6. Результаты исследования.

6.1. Грамматическая структура поля. Русское и английское лексико-фразеологическое поле метаязыковых обозначений образуют четыре частеречных класса – глаголы, существительные, прилагательные и наречия, каждый из которых представлен и лексемами, и фраземами. Количество (в абсолютных показателях и процентном выражении) номинативных единиц в частеречных классах русского и английского поля метаязыковых обозначений показано в табл. 2.

Из табл. 2 видно, что два самых крупных частеречных класса имеют разный ранг в количественной иерархии русского и английского подкорпусов. В русском подкорпусе первое место занимают субстантивные номинативные единицы, второе – глагольные; в английском количественно преобладают вербативы, за ними следуют субстантивы. Превалирование глагольных обозначений в английском

подкорпусе связано с большей обязательностью наличия глагола в английском предложении (в сравнении с русским), ключевой ролью английского глагола в структурно-синтаксической организации высказывания.

Таблица 2

Удельный вес частеречных классов лексико-фразеологического поля
метаязыковых обозначений в русском и английском языках

Table 2

The proportion of the part of speech classes in the metalanguage
lexical-phraseological field of the Russian and English languages

Части речи	Количество единиц	
	Русский подкорпус	Английский подкорпус
Существительные	1120 (44,7 %)	830 (42,3 %)
Глаголы	995 (39,7 %)	986 (47,2 %)
Прилагательные	193 (7,7 %)	163 (7,8 %)
Наречия	156 (6,2 %)	36 (1,7 %)
Номинативные единицы вне частеречных классов	43 (1,7 %)	21 (1 %)
Всего	2507 (100 %)	2093 (100 %)

Совокупность частеречных категорий лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках совпадает, однако внутренняя структура одной из четырех категорий – глагольной – выстроена в двух языках по-разному. Об этом свидетельствует разный состав семантико-грамматических разрядов русских и английских метаязыковых глаголов.

Во-первых, только в русском материале выделяется подкласс глаголов с аффиксально выраженным значением способа действия (подкласс представлен глаголами начинательными, ограничительными, финитивными, однократными, многократными, распределительными, а также глаголами со значением неполноты действия, интенсивности проявления действия). Наличие отдельного подкласса глаголов способа действия в русском материале и его отсутствие в английском связаны с морфологическими особенностями языков: в синтетическом русском значения способа действия передаются внутрисловно с помощью аффиксальных средств, тогда как в аналитическом английском они выражены за пределами слова. Значения способа действия являются более выделенными в русском языке и передаются в нем легче и естественнее, чем в английском.

Во-вторых, только в русском материале имеются безличные глагольные обозначения. Связанные с языком и речью действия и состояния могут мыслиться и оформляться в русском языке безличным образом. В английском языке наблюдается тенденция представлять их расчлененно, различать в них производителя действия и носителя состояния. Это обусловлено грамматикой языка: в английском координация глагола-сказуемого с субъектом является обязательной, что заставляет говорящих по возможности выделять и выражать субъект и рассматривать действия и состояния в отношении к нему. Безличные вербативы используются в английском языке – в сочетании с формальным подлежащим *it* – преимущественно для обозначения нечленимых явлений, действий с неопределенным деятелем, например явлений природы: *it freezes* (досл. 'оно морозит'). Названные особенности создают этнолингвистическое своеобразие грамматической организации метаязыкового лексико-фразеологического поля в русском и английском языках.

Внутреннее деление трех других частеречных категорий осуществляется в русском и английском языках по общим принципам: состав семантико-грамматических разрядов, вычленившихся в классах субстантивов, адъективов и адverbативов, в двух языках совпадает. Семантико-грамматические подклассы могут быть представлены метаязыковыми лексемами и фраземами неодинаково: например, в русском подкорпусе глагольная категория способа действия выражается и разграничивается главным образом лексемами – множеством отглагольных аффиксальных производных, конкретизирующих общее значение способа глагольного действия по целому ряду признаков, тогда как глагольная категория безличности шире и детальнее реализована во фразеологии.

6.2. Различия между лексикой и фразеологией в выражении частеречных значений. В русском и английском поле метаязыковых обозначений частеречная ориентация лексики и фразеологии раз-

лична. Среди русской лексики примерно половина – существительные, треть – глаголы, 12 % – прилагательные, около 3 % – наречия; в кругу русских фразем субстантивных единиц – чуть более трети, вербативных – половина, адъективных – около 2 %, адverbиальных – примерно 11 %. Распределение лексем и фразем по частеречным классам русского поля метаязыковых обозначений показано на рис. 1 и 2 соответственно.

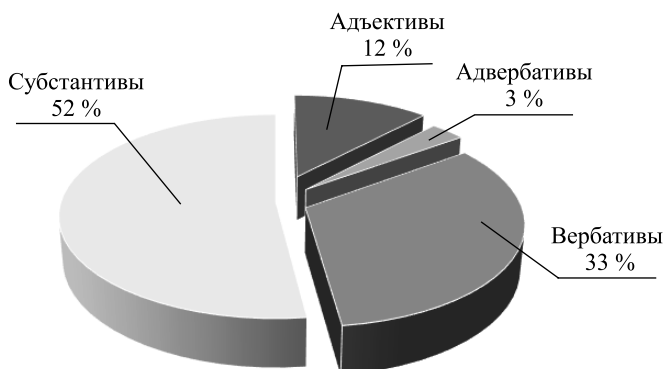

Рис. 1. Процентное соотношение лексем в частеречных разрядах русского поля метаязыковых обозначений

Fig. 1. The percentage of the lexemes in the part of speech classes of the Russian metalanguage nominative field

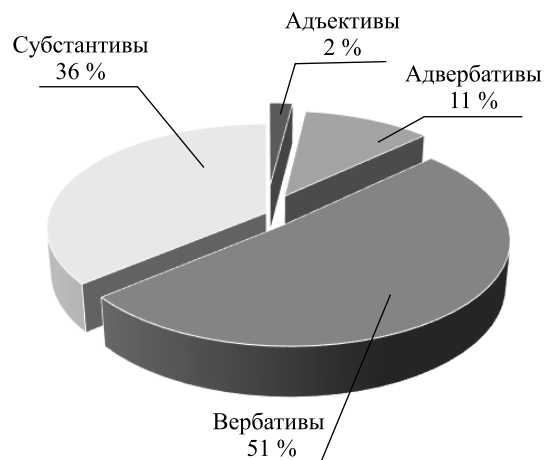

Рис. 2. Процентное соотношение фразем в частеречных разрядах русского поля метаязыковых обозначений

Fig. 2. The percentage of the phrasemes in the part of speech classes of the Russian metalanguage nominate field

Похожим образом распределяются по частеречным разрядам английские лексемы и фраземы с мета-языковой семантикой, что отражено на рис. 3 и 4 соответственно.

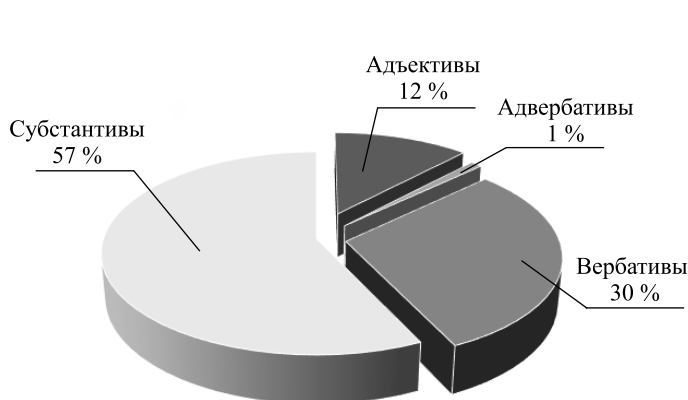

Рис. 3. Процентное соотношение лексем в частеречных разрядах английского поля метаязыковых обозначений

Fig. 3. The percentage of the lexemes in the part of speech classes of the English metalanguage nominative field

Рис. 4. Процентное соотношение фразем в частеречных разрядах английского поля метаязыковых обозначений

Fig. 4. The percentage of the phrasemes in the part of speech classes of the English metalanguage nominate field

Как видно из рис. 1–4, функции, связанные с передачей частеречных значений, распределены между лексемами и фраземами неодинаково, но схожим образом в обоих языках. Если расположить частеречные классы в соответствии с количеством репрезентирующих их номинативных единиц по степени убывания признака, то для лексических подкорпусов русского и английского языков получим последовательность: 1) существительные, 2) вербативы, 3) адъективы, 4) адвербативы; для фразеологических подкорпусов последовательность будет иная: 1) вербативы, 2) существительные, 3) адвербативы, 4) адъективы. Различия в частеречном распределении лексем и фразем свидетельствуют о том, что в выполнении номинативных функций у лексики и фразеологии есть свои грамматические особенности: лексика в большей мере, чем фразеология, отвечает за номинацию категориальных значений предметности

и признаковости предмета, фразеология – за номинацию значений процессуальности (действия, состояния) и признаковости процесса.

В лексическом материале двух языков доля субстантивов и адъективов больше, чем во фразеологическом. Выявленное различие показывает, что в выражении значений предметности и признаковости предмета в метаязыковой сфере фраземам предпочитают лексемы – в большинстве своем первичные, прямые, неэкспрессивные наименования. Во фразеологических подкорпусах обоих языков удельный вес вербативов и адвербативов выше, чем в лексических, и это говорит о том, что именование относящихся к языку и речи процессов и признаков процесса чаще осуществляется при помощи фразеологических средств, которые на фоне лексики предстают как область вторичных (не первичных), переносных, экспрессивно-оценочных обозначений. Превалирование вербативов во фразеологии объясняется функционально-синтаксическими свойствами фразем: оценочно-образные наименования выполняют преимущественно характеризующую функцию и тяготеют к предикативной позиции (как наиболее подходящей для реализации функции характеристики), поэтому фразеологизация ориентирована в основном на вербативы. Прочную связь оценочно-образных единиц языка с позицией предиката отмечают в своих работах В. В. Виноградов, Н. Д. Арутюнова. Синтагматическими особенностями процесса фразеологизации – его сфокусированностью в предикате – объясняет доминирование во фразеологии глагольных единиц Н. Б. Мечковская: «...в резком преобладании во фразеологии глагольных оборотов сказывается синтагматическая природа механизмов фразеологизации: эти процессы, протекая в живой речи, затрагивают преимущественно рему высказывания, которая чаще локализована в группе сказуемого и, следовательно, в случае глагольного сказуемого, локализована именно в глагольных лексемах» [18, с. 588].

Частеречная специализация метаязыковых лексем и фразем проявляется не только в количественных характеристиках (более широкая объективация категорий предметности и признаковости предмета в лексике, категорий процессуальности и признаковости процесса – во фразеологии), но и в качественных: категория признака предмета более дифференцированно – с более тонким различием спектра признаков – представлена в лексике (в русском и английском корпусах среди адъективов имеются качественные и относительные лексемы и только качественные фраземы), категория признака процесса детальнее репрезентирована во фразеологии (в корпусе обоих языков в составе адвербативных фразем есть определительные наречия образа действия и интенсивности признака и обстоятельственные наречия цели и причины, в кругу адвербативных лексем – лишь наречия образа действия и цели).

Можно думать, что установленные закономерности распределения между лексикой и фразеологией функций по выражению частеречных значений могут быть спроецированы на номинативный уровень языка в целом.

6.3. Межъязыковые различия в количестве метаязыковых фразем по частеречным классам.

При сопоставлении рис. 2 и 4 обращают на себя внимание межъязыковые различия в количественном наполнении фраземами классов вербативов и адвербативов.

Более высокий процент глагольных фразем (и, соответственно, более низкий процент субстантивных фразем) в английском подкорпусе (74 %), по сравнению с русским (51 %), связан с разной ролью глагола в русском и английском высказываниях: в английском языке глагол является обязательным компонентом и структурным ядром предложения, в русском языке широко распространены предложения с безглагольными сказуемыми. Связь между структурно-синтаксическими свойствами глагола и долей глагольных оборотов в языке отмечается и при рассмотрении фразеологии других, разных по структурному строю языков. В исследовании Н. Б. Мечковской и Е. Г. Панфиловой, проведенном на материале русской, белорусской и немецкой фразеологии с высокочастотными существительными, прилагательными и глаголами, между двумя признаками установлена прямая зависимость: «...чем выше в языке обязательность глагола в структуре предложения, тем выше в таком языке процент глагольных фразем» [18, с. 590].

Большая представленность адвербативных фразем в русском подкорпусе (11 %), по сравнению с английским (3 %), отчасти обусловлена расхождениями русских и английских словарей-источников в понимании и способах подачи фразеологических комплексов с вербативно-адвербативным значением. Многие фраземы с адвербативной семантикой отличаются узкой синтагматикой – сочетаются с ограниченным числом глаголов: *в ложном свете* можно только *видеть* и *представлять*, *в лицо* ‘прямо, открыто’ – только *говорить*, *бранить*, а *с пеной у рта* – только *спорить*, *доказывать*. Такие выражения, ввиду тесной связи в них наречного и глагольного элементов, могут рассматриваться как единый глагольно-наречный оборот. В русских словарях при фиксации оборотов такого типа глагольные элементы обычно подаются обособленно – как слова-сопроводители: *в ложном свете* (видеть, представлять) (ФСРЯ, с. 137), *в лицо* (говорить, бранить) (ФСРЯ, с. 135); такие фраземы квалифицируются

как адвербиальные. В словарях английской фразеологии в схожих случаях глаголы не обособляются, приводятся как компоненты фразем: *put / paint sth in a false light* ‘искажать, представлять что-л. в ложном свете’ (*Online FD*), *say sth to smb’s face* ‘говорить что-л. (неприятное) прямо в лицо, глаза кому-л.’ (*Online IFD*); такие фраземы относятся к числу глагольных.

Итак, грамматическая структура русского и английского лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений во многом схожа, хотя и неодинакова. Выявленные различия в частеречной ориентации лексики и фразеологии позволяют сделать вывод о том, что в языке существует корреляция между типом категориального значения и предпочтительным способом его выражения: для обозначения предметов и признаков предметов шире используются однословные (в основном первичные, прямые, нейтральные) наименования, для обозначения процессов и признаков процесса – составные (преимущественно вторичные, переносные, экспрессивно-оценочные) именованья.

Сокращения

БРАФС – Большой русско-английский фразеологический словарь / сост. С. И. Лубенская. М., 2004; **БТС** – Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998; **НацКорп** – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.07.2016); **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов. М., 2007; **LID** – Longman Idioms Dictionary. Harlow, 1998; **Online НЧСРЛ** – Новый частотный словарь русской лексики / сост.: О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 08.07.2016); **Online TCC** – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / сост. Т. Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 08.07.2016); **Online FD** – The Free Dictionary by Farlex. URL: <http://www.thefreedictionary.com> (date of access: 07.07.2016); **Online IFD** – Idioms. The Free Dictionary by Farlex. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com> (date of access: 07.07.2016); **Online LDCE** – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldceonline.com> (date of access: 07.07.2016); **Online MT** – Multitran. URL: <http://www.multitran.com> (date of access: 09.07.2016); **Online PhCES** – Phrases, Clichés, Expressions and Sayings. URL: <http://www.joe-ks.com> (date of access: 07.07.2016); **Online WFWSE** – *Leech G., Rayson P., Wilson A.* Word Frequencies in Written and Spoken English. URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/flists.html> (date of access: 07.07.2016).

Библиографические ссылки

1. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков [1974]. М., 2011.
2. Anward J. A dynamic model of part-of-speech differentiation // *Approaches to the typology of word classes*. Berlin ; New York, 2000. P. 3–46.
3. Кубрякова Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении [1978]. М., 2012.
4. Живов В. М. Части речи // *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. М., 1998. С. 578.
5. Курилович Е. Очерки по лингвистике [1962]. Биробиджан, 2000.
6. Croft W. Radical construction grammar. Syntactic theory in typological perspective. Oxford, 2001.
7. Baker M. C. Lexical categories. Verbs, nouns, and adjectives. Cambridge, 2003.
8. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
9. Леонтьев А. А. Фиктивность «семантического критерия» при определении части речи // *Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов*. Л., 1965. С. 33–34.
10. Супрун А. Е. Грамматическая специализация слов и части речи // Супрун А. Е. Части речи в русском языке. М., 1971. С. 77–84.
11. Калинин П. П. К вопросу об эквивалентности фразеологической единицы слову (на материале английского языка) // *Иностр. яз. в шк.* 1956. № 3. С. 28–34.
12. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология [1986]. М., 2006.
13. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка [1963]. М., 2012.
14. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка [1986]. Дубна, 2005.
15. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии [1963]. М., 2013.
16. Русская грамматика : в 2 т. [1990]. М., 2005. Т. 1 : Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология.
17. Alexander L. G. Longman English grammar. London ; New York, 1999.
18. Мечковская Н. Б., Панфилова Е. Г. Опыт моделирования грамматической и семантико-образной структуры национальных фразеологий (на лексикографическом материале русского, белорусского и немецкого языков) // *Słowo. Tekst. Czas XI. Frazologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym*. Szczecin ; Greifswald, 2012. S. 577–591.

References

1. Ufimtseva A. A. [Types of word signs]. Moscow, 2011 (in Russ.).
2. Anward J. A dynamic model of part-of-speech differentiation. In: *Approaches to the typology of word classes*. Berlin ; New York, 2000. P. 3–46.

3. Kubryakova E. S. [Parts of speech in onomasiological interpretation]. Moscow, 2012 (in Russ.).
4. Zhivov V. M. [Parts of speech]. In: *Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, 1998. P. 578 (in Russ.).
5. Kurilovich E. [Essays on linguistics]. Birobidzhan, 2000 (in Russ.).
6. Croft W. Radical construction grammar. Syntactic theory in typological perspective. Oxford, 2001.
7. Baker M. C. Lexical categories. Verbs, nouns, and adjectives. Cambridge, 2003.
8. Plungyan V. A. [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world]. Moscow, 2011 (in Russ.).
9. Leontev A. A. [Fictitiousness of «semantic criterion» in determining a part of speech]. In: *Voprosy teorii chastei rechi na materiale yazykov razlichnykh tipov*. Leningrad, 1965. P. 33–34 (in Russ.).
10. Suprun A. E. [Grammar specialization of words and parts of speech]. In: Suprun A. E. *Chasti rechi v russkom yazyke*. Moscow, 1971. P. 77–84 (in Russ.).
11. Kalinin P. P. [To the question of equivalence of phraseological unit to word (on the English material)]. *Inostr. yazyki v shkole*. 1956. No. 3. P. 28–34 (in Russ.).
12. Zhukov V. P., Zhukov A. V. [Russian phraseology]. Moscow, 2006 (in Russ.).
13. Shanskiy N. M. [Phraseology of modern Russian language]. Moscow, 2012 (in Russ.).
14. Kunin A. V. [The course of phraseology of modern English language]. Dubna, 2005 (in Russ.).
15. Amosova N. N. [The basics of English phraseology]. Moscow, 2013 (in Russ.).
16. [Russian grammar] : in 2 vol. Moscow, 2005. Vol. 1 : [Phonetics, phonology, stress, intonation, word formation, morphology] (in Russ.).
17. Alexander L. G. Longman English grammar. London ; New York, 1999.
18. Mechkovskaya N. B., Panfilova E. G. Experience in modeling of grammatical and semantic structure of national phraseology. In: *Słowo. Tekst. Czas XI. Frazeologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturowym i frazeograficznym*. Szczecin ; Greifswald, 2012. P. 577–591 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 01.03.2017.
Received by editorial board 01.03.2017.